

2. Ильинско, М.А. Шатрытко яг / М.А. Ильинско. Москва: ГИХЛ, 1934. 56 с.
3. Ильинско, М.А. Роспхэныбэна тэ патриня / М.А. Ильинско, И.И. Ром-Лебедев. Москва: ГИХЛ, 1938. 143 с.
4. Лебедев, В. (1934–1936). Рассказы. На цыганском языке. Отзыв Сергиевского на эти рассказы. Автобиография Лебедева В. и его фотография. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5009.
5. Махотина, И.Ю. Оппозиция свой/чужой в языке и фольклоре русских цыган / И.Ю. Махотина // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 580–581.
6. П<анково> Н.А. Ромалэ, чинэнте ваш нэво джиибэн и пхуранэ взрипирибэна / Н.А. Панково // Нэво дром. 1930. № 3. С. 18.
7. Сергиевский, М.В. Романы художественно литература / М.В. Сергиевский // Романо альманахо. Москва: ГИХЛ, 1934. С. 125–134.
8. Цыгане / Деметер Н.Г., Черных А.В. (сост.) и др. Москва: Наука, 2018. 640 с.
9. Шаповал, В.В. «Свое» и «чужое» с точки зрения носителя цыганского языка / В.В. Шаповал // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. Москва: Институт народов России, 1995. С. 164–165.
10. Шаповал, В.В. Внутренняя структура этноса в представлениях советских просветителей 1926–1938 гг.: цыгане-рома / В.В. Шаповал // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. Москва, 2020. С. 327–333.
11. Shapoval, V.V. The Editor as a Co-author // Kyuchukov H., Zahova S., Dumunica I. (eds.). Romani History and Culture. Festschrift in Honour of Prof. Dr. Veselin Popov. Muenchen: LINCUM GmbH (Verlag), 2021. P. 205–216.

УДК 81-42

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В.П. АСТАФЬЕВА

Я.В. Щелгунова, Н.М. Дмитриева
г. Оренбург, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «Радость» как части авторской концептосферы, художественного дискурса В. П. Астафьева. Авторами выделяются пять основных смыслов концепта (пять семантических долей), характерных для русской языковой картины мира, а также определяется принадлежность концепта к этико-эмоциональной сфере. В результате анализа концепта в художественном тексте вычленяется круг лексем-репрезентантов и несколько способов реализации концепта в ткани произведений.

Ключевые слова: концепт, художественный дискурс, авторская концептосфера, радость.

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «JOY» IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF V.P. ASTAFYEV

J.V. Schelgunova, N.M. Dmitrieva
Orenburg, Russian Federation

The article discusses the features of the representation of the concept of «Joy» as part of the author's conceptual sphere, Artistic Discourse of V. P. Astafiev. The authors identify five main meanings of the concept (five semantic shares), characteristic of the Russian language picture of the world, and also determine the belonging of the concept to the ethical and emotional sphere. As a result of the analysis of the concept in the literary text, a circle of lexemes-representatives and several ways of implementing the concept in the text are identified.

Key words: concept, Artistic Discourse, author's conceptosphere, joy.

Введение. Проблема описания ключевых концептов русской языковой картины мира на сегодняшний день является одной из наиболее разрабатываемых: одни исследователи в числе значимых отмечают концепты с преимущественно негативным эмоциональным компонентом (например, «Печаль», «Тоска», «Страдание»), другие выстраивают картину мира на принципе антиномий, где центральными выступают пары «Добро-Зло», «Душа-Плоть» и т.д. Среди исследований на сегодняшний день остается без должного развития такой концепт как «Радость», одновременно выступающий и положительно эмоциональным и этическим (ценностным). К его исследованию обращались А. Б. Пеньковский, Ю. С. Степанов, Н. А. Красавский, В. В. Колесов, Н. М. Дмитриева и другие.

Анализ авторской концептосферы, а также отбор лексем, реализующих в языке тот или иной концепт, понимаемый нами, вслед за Ю. С. Степановым как «слепок культуры в сознании человека» [11], позволяет изучить «мирообразующие идеи автора и служит концентрированным выражением специфики его языка и стиля» [7], иначе говоря, позволяет охарактеризовать художественный дискурс автора.

Большинство исследователей определяют «Радость» как концепт эмоциональной концептосферы, однако для русской языковой картины мира характерно соотнесение доминантных значений со шкалой этических ценностей [4], [8]. Соотношение эмоционального и этического в концепте неоднозначно. В результате анализа словарных дефиниций в статье «Смысловая наполненность концептов “радость” и “печаль” в повести В. Распутина “Последний срок”» были выделены 5 семантических долей, закрепленных за именем концепта, большая часть которых (забота о ближнем; душевная гармония; удовлетворение от мирской жизни; надежда на спасение) относится к сфере этического и только одна (положительная психоэмоциональная реакция) к эмоциональной сфере [11]. Отметим, что наличие именно гармоничное со-

четание разных семантических долей «создает» концепт. Однако контекст – средство реализации образов – и обусловленный им подбор лексических средств репрезентации позволяет выделить ту или иную семантическую долю как ведущую.

Материалом настоящей работы стали произведения В. П. Астафьева «Последний поклон» и «Людочка» [1], [2]. Разные аспекты идиостиля писателя разрабатывались Т. А. Демидовой, Л. Н. Падериной и др. [3], [9].

В текстах В.П. Астафьева радость раскрывается в бытовых мелочах, в стандартных деревенских забавах, одной из которых является рыбалка (*«За рыбачьи радости мы платили такими муками и слезами, которые ведомы лишь каторжникам да рыбакам»* [2, с. 337]). На вербальном уровне репрезентация концепта происходит за счет использования контекстуально антонимичных лексем. К примеру, указанные в отрывке противопоставление (радость – муки, слезы) и уподобление (каторжники и рыбаки), с одной стороны, отвечают русским представлениям о цикличной сменяемости радости и печали, а, с другой стороны, утверждают мысль превосходства первого над вторым, где страдания всецело окупаются последующей радостью.

Процесс сбора ягоды также становится источником радости: *«Тут все перестали баловаться, рассыпались по лесу и начали брать землянику»* [2, с. 49] или *«Первая черника в то лето одарила нас радостью»* [2, с. 260]. Еще более полно это описано в следующем эпизоде: *«... как молитву, творю я радостную песню в честь своей удачи и тороплюсь, тороплюсь, маяя пальцы, губы бросовой или недоспелой ягодой»* [2, с. 261]. Больше, чем радость от свежей ягоды, героя радует единение с природой и осознание причастности к ее тайнам (*«Нет, лесная находка воспринимается даже не как открытие, она как особое к тебе доверие этой Черной горы, этой тайги, в которой, конечно же, есть душа и еще что-то, что слышит, зрит и понимает тебя»* [2, с. 261]). Концепт вербализуется, помимо лексем с корнем –радост-, лексемами *тайна, секрет, награда, доверие, удача, тайга* (=отражение всего одухотворенного природного мира), а также с помощью конструкций прямой речи, обращений: *«Ах вы, ягодки мои расхорошенькие! Ах вы, ягодки мои, черные горошинки! Ах вы, ягодки мои милые, ах вы, птишечки мои синюшкокрылые»* [2, с. 261]. Уменьшительно-ласкательные формы, междометия и восклицания участвуют в репрезентации эмоциональной составляющей концепта «Радость» (семантическая доля «положительная психоэмоциональная реакция»). Одновременно с этим в данном отрывке представлена доля «душевная гармония», в репрезентации которой главную роль играет не столько вербальный уровень, сколько контекстуальный – подчеркивается «благодетельность, красота созданного Богом мира» [5].

Поводом для радости является также идея совместной трапезы, а точнее традиция угощать («угощать» в первом значении – радушно предлагать поесть, попить; потчевать, проявляя внимание, уважение [6]): *«Тетя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил все, что она мне дала...»*

[2, с. 57]. Известно, что ритуал угощения гостей, хлебосольство, считается традиционно славянской чертой. Совместная, соборная трапеза несет в себе глубоко сакральный смысл, выступая мерилom великодушия и щедрости: «... она приветливо мне улыбалась, протягивая все ту же белую кружку, счастливая тем, что она угощает меня ягодами...Зная эту, самую, быть может, бескорыстную детскую щедрость и пробужденное ею чистое чувство радости, я бережно обеими руками принял кружку и отпил из нее» [2, с. 583]. В искреннем желании поделиться заключена радость как для отдающего, так и для принимающего, в чем находит воплощение семантическая доля «забота о ближнем». Вербализация достигается использованием слов *приветливо, улыбаться, счастливый, угощать, бескорыстный, мать, щедрость, чистое чувство, радость, бережно.*

Для русского человека семья всегда являлась жизненной опорой, поэтому неслучайно радость главным образом ассоциируется с гармонией семейной жизни и самим домом. Примером репрезентации концепта «Радость» могут служить отношения героя «Последний поклон» с его бабушкой и дедушкой: «... и такая волна любви к родному и до стоноты близкому человеку накатывала на меня, что я тыкался лицом в ее рыхлую грудь и зарывался носом в теплую, бабушкой пахнущую рубашку. В этом порыве моем была благодарность ей за то, что она живая осталась, что мы оба есть на свете и все-все вокруг нас живое и доброе» [2, с. 73]. Репрезентация концепта строится через лексемы: *бабушка* (= объект привязанности), *волна любви, родной (человек), близкий (человек), порыв, благодарность, живая, свет, доброе* и за счет употребления конструкций, контекстуально отражающих проявление концепта на физическом уровне (*«тыкался лицом; хриплый рев радости; забегал вприпрыжку; от полноты чувств я обнял ее за шею и пободал головой»*). Также репрезентантами могут становиться разнообразные восклицания, передающие эмоциональный настрой героя – радостно-положительный (*«Красота!», «Ой, бабонька!», «Ми-иленька-а!»*), лексемы *смех, счастливый, праздничный, слезы* или, к примеру, конструкция *«никогда не забуду»* (*«... я никогда не забуду того счастливого утра, в которое проснулся с ощущением праздничной радости»* [2, с. 75]).

Ощущение внутренней гармонии и полноты жизни лежит в основе всего мировосприятия героя повести «Последний поклон»: *«Какая деревня-а-а? – спросили из темноты. Я сложил руки трубочкой и охотно откликнулся, потому что было мне радостно сообщить незнакомым людям о родном селе, о себе, о том, что есть мы на свете»* [2, с. 249]. Желание ребенка «кричать» о себе равнозначно стремлению открыться миру, заявить о себе как о его непосредственной части и духовно приблизиться к другим людям.

Совокупность житейских, земных радостей составляет основу семантических долей «удовлетворение от мирской жизни» и «душевная гармония». В числе факторов выступают рождение детей, их спасение (*«Болели дети, но она их травками да кореньями спасала, и ни один не помер – радость...»*

*Косоручкой не сделалась – это ли не радость? » [2, с. 72]), урожай и хлеб («Бери, бери, товарищишэй потчуй! Бог уродил, Бог людям угодил, – экая благодать от земли!..» [2, с. 620]). Именно в умении замечать радости и не обращать внимания на невзгоды кроется залог житейской мудрости. Радости героев Астафьева, неразрывно связаны с крестьянским трудом и Богом. Идея о покорности человека Божьей воле лежит в основе христианства, когда лишь Богу «*досягаемо озреть землю с небесной высоты*» [2, с. 578]. Труд видится героям как суть человеческого предназначения: «*человек должен трудиться и не роптать, а роптать, так про себя, помня про Божьи благодеянья, забывая обиды*» [2, с. 578]. В неспешности и плавной текучести жизни с постоянными чередованиями радостей и печалей, заключается главный секрет крестьянского миропонимания, для которого созерцание и покой есть главные пути к спасению души: «*Утихшая плоть высвободит из тайного плена дух, стало быть не только душу, но и тело можно посвятить Богу, то есть всего себя без остатка вывести из суеты, от зла, от тревог*» [2, с. 578]. Таким образом, в круг лексем, реализующих концепт «Радость» в произведении, включаются *жизнь, труд, урожай, благодать, хлеб, Божьи благодеяния*.*

Семантическая доля «Удовлетворение от мирской жизни» воплощается через осознание радостей труда: «*Людочка купалась в родной реке, смывала с себя сенную пыль и труху с тем удовольствием, с той расслабляющей радостью, которая ведама лишь людям, хорошо, всласть поработавшим...*» [1]. Вербализация концепта происходит за счет использования лексем и лексических конструкций *родной, удовольствие, расслабляющий, радость, всласть поработавший*. Сюда же можно отнести и стремление трудом облегчить жизнь других людей, что дополнительно реализует семантическую долю «забота о ближнем» («*Всем им да и бабушке тоже верилось – пока есть машинка, стоит на своем месте – живы и надежды на то, что минуют беды, что поработает еще она, будут люди шить обновы*» [2, с. 94]). Труд – звено, связывающее и объединяющее людей не просто одной деревни, а всего русского народа, что вербально отражено в лексемах *надежда, минуют беды, будут шить*.

Для дискурса Астафьева, его миропонимания характерно слияние понятий «природа» и «деревня» в единый образ мира, Божий мир: «*Но бабушка все, что мне казалось так мудрено, тут же объяснила житейски-просто, крестьянским опытом, древним умом и памятью ведала одну истину: все вокруг должно стоять и лежать на определенном месте... и деяния человека должны знать границу, должны быть очерчены... стало быть, и думать, что там дальше, – незачем, всей земли не охватишь, вся она в Божовом распорядении...*» [2, с. 578]. И снова труд представляется способом гармонизации мира, заключает в себе попытку человека оставить на земле свой след, передать другим радости собственной души: «*Уже без хозяйки... будут они*

цвети и свидетельствовать, что душа ее здесь, нетленна она до тех пор, пока есть этот ею возделанный огород...» [2, с. 678].

Заключение. Таким образом, в дискурсе Астафьева концепт «Радость» репрезентирует как этические смыслы, так и эмоциональный. Ведущими являются семантические доли «Душевная гармония», включающая представления автора о деревне, природе и Божьем мире и проявляющаяся в труде «Забота о ближнем», представленные в текстах произведений лексемами: *радость, труд, родной, счастье, жизнь, благодать, благодеяния, праздник, благодарность, любовь и др.* Эмоциональный смысл концепта реализуется, как правило, через междометия, суффиксы субъективной оценки и восклицания.

Библиографический список

1. Астафьев, В.П. Любочка / В.П. Астафьев. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://librebook.me/liudochka/vol1/1> (дата обращения: 26.02.2022).
2. Астафьев, В.П. Последний поклон: в 2-х т. / В.П. Астафьев. Красноярск: «Офсет», 1994. 754 с.
3. Демидова, Т.Н. Роль образных единиц в формировании идиостиля В.П. Астафьева: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Н. Демидова. Томск, 2007.
4. Дмитриева, Н.М. Этическая нагрузка концепта «Радость» в церковнославянском и древнерусском языках / Н.М. Дмитриева // Вестник РУДН, 2015. № 4. С. 23-30.
5. Дмитриева, Н.М., Просвиркина И.И. Семантические сдвиги в вербализации этического концепта «благо» / Н.М. Дмитриева, И.И. Просвиркина // Русистика, 2019. № 4. С. 502-514.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. Москва: Рус. яз., 2001. 1232 с.
7. Караулов, Ю.Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове горячий у А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского) / Ю.Н. Караулов // Russian Journal of Linguistics, 2003. № 4. С 110-118.
8. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006. 326 с.
9. Падерина, Л.Н. Особенности идиостиля В. П. Астафьева (обзор имеющихся исследований) / Л.Н. Падерина // Эпоха науки, 2016. №. 6. С. 171-181.
10. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
11. Щелгунова, Я.В., Дмитриева, Н.М. Смысловая наполненность концептов «радость» и «печаль» в повести В. Распутина «Последний срок» / Я.В. Щелгунова, Н.М. Дмитриева // СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021: Сб. мат-ов Междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 24-25 мая 2021 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2020. С. 152-159.